

В. А. Кучкин

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ПЕРЕМИРИИ 1372 ГОДА¹

Каковы же форма и содержание единственного сохранившегося московско-литовского договора XIV в.?

Грамота начинается с указания на лиц, которые составили договор. В *intitulatio* включены имена великого князя Ольгерда, его брата Кейстута и великого князя Святослава Ивановича. Речь идет о литовском великом князе, его родном брате, имевшем земельные владения на западе Литовского государства и резиденцию в Троках, а также о смоленском великом князе. Далее в грамоте следует *inscriptio*, но адресат грамоты указывается не непосредственно после *intitulatio*, а после оборота [по]слали есмы своихъ пословъ. Данная фраза описывает обстоятельства заключения договора и по своему характеру должна быть отнесена к *paratio* рассматриваемой грамоты. *Inscriptio* договора оказывается, таким образом, вмонтированной в его описательную часть. В качестве адресатов грамоты фигурируют «свой брат» великий князь Дмитрий Иванович и «его брат» князь Владимир Андреевич. Если московский великий князь Дмитрий признан «своим братом» трем составившим грамоту князьям, то его двоюродный брат серпуховский князь Владимир Андреевич, до конца 80-х годов XIV в. остававшийся верным союзником своего более старшего кузена, назван «братом» только Дмитрия. Тем самым составители договора соблюли все юридические формальности в определении статуса каждого из договаривавшихся князей. Иерархическое положение московского великого князя было признано равным положению литовского великого князя Ольгерда, его брата Кейстута, а также смоленского великого князя Святослава Ивановича, а положение серпуховского князя — неравным, он считался «братом» (в юридическом смысле) только своего князя Дмитрия, но не главных князей литовско-смоленской стороны.

После указания адресатов в договоре была продолжена описательная часть (*paratio*), в которой были перечислены имена посланных Ольгердом, Кейстутотом и Святославом послов к московской стороне: **кнзл Борис(а) Константинович(а), кнзл Аньдрѣи Иванович(а), кнзл Юрья Володимирович(а), Дмитрем Обиручева, Меркурья, Петра, Лукьяна**. Всего названо семь человек, о которых подробнее уместнее говорить ниже, при рассмотрении ста-

---

¹ Начало статьи см. в № 1

тъи 13 dispositio, где указаны не только эти послы литовской стороны, но и договорившиеся с ними представители московской стороны.

Вслед за pagatio в грамоте до самого ее конца следует диспозитивная часть, где изложены условия договора. В первой статье dispositio говорится о перемирии **от Оспожына загов□ныйи до Дмитриева дни** и подчеркивается, что в указанные сроки **межы нас войны н□тъ**. Ранее уже говорилось о том, что начало перемирия **от Оспожына загов□ныйи** означает отсчет от 1 августа, когда начинался Успенский пост (за две недели до Успения богородицы, или Оспожина (Госпожина) дня, отмечавшегося 15 августа), и до Дмитриева дня, т. е. дня св. Дмитрия Солунского, праздновавшегося 26 октября. Текст соглашения таков, что не позволяет точно выяснить, устанавливалось ли перемирие **до Дмитриева дни** по 25 октября или по 26 октября включительно. Но поскольку день 26 октября был достаточно крупным церковным праздником, логичнее думать, что он также считался мирным днем, т. е. выражение **до Дмитриева дни** следует понимать как до дня св. Дмитрия включительно. На срок почти в три месяца стороны, таким образом, отказывались от ведения каких-либо военных операций друг против друга.

Однако возможность дипломатических действий стороны оговаривали. И вторая статья dispositio устанавливала, что в перемирное время послы обеих сторон без всяких препятствий могли ездить для переговоров: **А межы нас нашимъ посломъ ѳздити, путь имъ ч(и)сть**.

Статья 3 специально фиксировала тот факт, что заключаемое перемирие (**въ томъ докончаньи**) распространяется на князя Михаила Тверского, князя Дмитрия Брянского и на тех князей, **хто буд(е)тъ оу княз(а) оу великого оу Ольгѣрда в ымени его**, а также на князей, находившихся в союзе со смоленским великим князем Святославом Ивановичем — **оу князѣ великого Св(а)тъслава тако же**. Если имя названного в данной статье договора тверского князя Михаила Александровича хорошо известно, летописи называют его участником стояния под Любутском, о князе Дмитрии Брянском говорилось ранее, то о князьях, бывших **в ымени** литовского великого князя Ольгерда и **в ымени** смоленского великого князя Святослава, неизвестно ничего. Предположения разного рода возможны (например, отнесение к смоленским союзникам-вассалам торопецких князей), но степень их доказательности невелика. Поэтому следует ограничиться констатацией того факта, что в момент заключения московско-литовского перемирия и литовский великий князь, и смоленский великий князь имели союзных князей, но значение их было столь небольшим, что даже по именам они в договоре не назывались. Вообще говоря, указанные в статье 3 князья могли быть просто упомянуты в intitulatio грамоты, и тогда на них без каких-либо оговорок распространялись бы все права и все обязанности лиц, заключивших докончание. Однако характер отношений между князьями литовской стороны, по-видимому, был различен. Тверской князь и князь Брянска считались, скорее всего, «братьями младшими» Ольгерда, Кейстута и Святослава Смоленского, а потому их имена в intitulatio включены не были. Тем не менее специальной статьёй докончания они признавались его участниками и должны были, с одной стороны, не подвергаться военным нападениям московских князей, Ольгерд брал их под свою защиту, а с другой — обязаны были выполнять договорные условия, на которые соглашалась литовская сторона.

Если статья 3 обеспечивала защиту союзникам и сторонникам Литвы и Смоленска, то статья 4 делала то же самое в отношении союзников Москвы. Статья указывала на князей, что были **в любви и в докончаньи** с Дмитрием Московским и Владимиром Серпуховским. Это **князь великий Олегъ, княз(ь) великий Романъ, княз(ь) великий Володимеръ проньский и иныгъ княз(и), хто буд(е)тъ в нашемъ имени**. Великий князь Олег — это Олег Иванович Рязанский. С определением **проньский** в договоре назван еще один представитель рязанской династии князей — двоюрод-

ный брат Олега князь Владимир Дмитриевич (Ярославич) Пронский. Его определение по месту княжения (единственное по отношению к князьям — союзникам Москвы) свидетельствует о том, что конфликт конца 1371 — начала 1372 г., когда после разгрома Олега Рязанского у Скорнищева москвичи посадили в Рязани вместо Олега Владимира, но затем Олег, воспользовавшись нападением на владения Дмитрия Московского литовских и тверского князей в апреле 1372 г., согнал пронского князя с рязанского стола², к лету 1372 г. был исчерпан. Рязань осталась за Олегом, Пронск — за Владимиром. Московское правительство в сложной международной ситуации, когда Тверью был разгромлен союзный с Москвой Новгород, когда Литва оказала военную поддержку Михаилу Александровичу, пововав земли великого князя Дмитрия, и намеревалась продолжить борьбу и дальше, вынуждено было отказаться от поддержки своего ставленника на рязанском столе, чтобы не воевать с несколькими противниками сразу. Москве пришлось пойти на признание того порядка вещей в соседних с ней южных княжествах, какой существовал до 14 декабря 1371 г. Но признав status quo, московская дипломатия за весьма короткий срок сумела добиться крайне важного в неустойчивых и переменчивых внешнеполитических условиях того времени «любви и докончания» с обоими рязанскими династиями, обеспечив в случае обострений отношений с Литвой и Тверью, по меньшей мере, безопасность своих южных границ.

Сложнее обстоит дело с определением третьего союзника Москвы — великого князя Романа. То, что это не рязанский князь, как первоначально думали Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, показал еще Д. И. Иловайский. Сам историк Рязанского княжества считал, что речь в московско-литовском докончании идет о князе Романе Семеновиче Новосильском. Р. В. Зотов и М. С. Грушевский считали князя Романа докончания князем брянским и черниговским Романом Михайловичем. И хотя С. М. Кучинский показал, что великий князь Роман московско-литовского договора — это все-таки новосильский князь Роман Семенович, сомнения остаются. Так, Б. Н. Флоря сначала указал, что в грамоте речь идет о старшем князе среди верховских князей, т. е. о князе новосильском³, но затем присоединился к точке зрения Р. В. Зотова и М. С. Грушевского⁴. Поддержал отождествление великого князя Романа грамоты 1372 г. с Романом Михайловичем Брянским и А. А. Горский⁵. А Э. Клюг вообще предложил идентифицировать великого князя Романа с Романом Васильевичем Ярославским⁶. Последнее отождествление может быть оспорено сразу же. Роман Васильевич был даже не первым, а третьим сыном ярославского князя Василя Давыдовича. Естественно, что он не владел главным уделом в Ярославском княжестве, который принадлежал его старшему брату Василию. Но даже старший брат в источниках XIV — XV вв. никогда не титуловался великим⁷. Э. Клюг пытается использовать текст московско-новгородско-тверского договора 1375 г., где будто бы речь идет о великом князе ярославском. Однако статья 3 этого докончания говорила о том, что **кн(а)зи велиции кр(е)стьяньстии и ярославьстии с нами один ч(е)л(о)в(ѣ)къ**⁸, относя

² ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 100.

³ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М. 1980. С. 153.

⁴ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Выпуск I. Формирование государственной территории России. Материалы Второй всесоюзной конференции по исторической географии России. Москва, 25—26 ноября 1980 г. М., 1982. С. 72.

⁵ Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 79—80 и примеч. 98.

⁶ Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 239, примеч. 39.

⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 288, 298—301.

⁸ ДДГ. № 9. С. 26.

определение **велиции** не к ярославским, а к христианским князьям. Делается очевидным, что отождествлять удельного ярославского князя Романа Васильевича с великим князем Романом московско-литовской перемирной грамоты 1372 г. и по формальным, и по неформальным признакам нельзя.

Не столь просто решается вопрос, связанный с идентификацией Романа договора с Романом Михайловичем Брянским (Черниговским). О последнем известно, что он участвовал в организованном Москвою походе на Тверь в 1375 г. В летописном описании этого похода он назван Романом Михайловичем Брянским⁹. Это самое раннее упоминание названного князя. Далее князь Роман Михайлович с определением «Дьбрлнскы» фигурирует как наместник литовского великого князя Витовта в Смоленске в 1400 г.¹⁰ В августе того же года с помощью рязанской силы Смоленск вернул себе местный князь Юрий Святославич, «а княза великаго Романа Михайловича Брлньскаго лля и убиль»¹¹. Вспоминая об этом эпизоде, Витовт позднее обвинял Юрия Смоленского в том, что тот «кназа великаго Романа Черниговского убиль и казну его взлль»¹². В записи Любецкого синодика XVIII в. Роман Михайлович назван великим князем черниговским¹³. Таким образом, этот князь в ранних источниках фигурирует как князь брянский, без титула «великий». Этот титул к нему прилагается посмертно, как и определение «черниговский». Если полагать, что великий князь Роман московско-литовского договора 1372 г. — одно лицо с князем Романом Михайловичем Брянским, то надо будет признать, что к моменту соглашения Роман Михайлович Брянском не владел, поскольку в договоре 1372 г. брянским князем названо совсем другое лицо — сын Ольгерда Дмитрий. С другой стороны, в московско-литовской перемирной грамоте князь Роман, наряду с Олегом Рязанским и Владимиром Пронским, назван великим и явно владетельным князем, поскольку статья, его упоминающая, предписывала литовской стороне **не воевати очины ихъ, ни ихъ люд(и)и**. С. Кучиньский высказал предположение, что, лишившись Брянска, Роман Михайлович бежал в Москву, где получил владение от великого князя Дмитрия¹⁴. Но в таком случае владения давались не на границе, а в центральных районах Московского княжества, литовской стороне воевать их было почти невозможно, и подобные владения не могли называться отчиной владельца. Кроме того, никаких данных о бегстве Романа Михайловича к Дмитрию Московскому нет. Правда, участие князя Романа Михайловича в тверской войне 1375 г. говорит о том, что он был союзником Москвы. Однако быть союзником Москвы вовсе не означает, что Роман Михайлович служил московскому князю. Он мог участвовать в походе на Тверь в 1375 г. как вассал смоленского великого князя, который также воевал с тверским князем на стороне Москвы. Во всяком случае, скудные биографические сведения о Романе Михайловиче говорят о том, что он оставался на западнорусских землях и определенное время служил литовскому великому князю. Своей же отчины не имел и даже казну потерял в управляемом им от имени Витовта Смоленске. Все это препятствует отождествлению Романа Михайловича с явно владетельным великим князем Романом московско-литовского договора о перемирии 1372 г.

Поэтому остается единственное: видеть в великом князе Романа Романа Семеновича Новосильского. О возможности его титулования великим князем, как уже отмечалось, писал С. Кучиньский. Следует также принять во внимание то обстоятельство, что противостояние под Любутском

⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 111.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XVIII. Спб., 1913. С. 149.

¹¹ Там же. С. 148. Т. XV. Вып. I. Стб. 176. Цитата из Рогожского летописца.

¹² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 471.

¹³ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. Спб., 1893. С. 96.

¹⁴ Kuczyski S. M. Ziemie czernihowsko — siewierskie pod rzadami Litwy. Warszawa, 1936. S. 169.

имело место на территории Новосильского княжества¹⁵. За это княжество, как показывает Послание литовского великого князя Ольгерда константинопольскому патриарху Филофею конца 1370 — первой половины 1371 г., шла борьба между Литвой и Москвой. Если Ольгерда поддерживал новосильский князь Иван, который стал даже зятем литовского великого князя¹⁶, то Дмитрия Ивановича — новосильский князь Роман Семенович. Совершенно очевидно, что при оформлении московско-литовской договорной грамоты московской стороне было важно подчеркнуть, что Роман находится в числе ее союзников и что статус его выше, нежели у его пролитовского соперника. Поэтому Роман и назван в договоре великим князем.

В заключение статья 4 предписывала **кнѧз(ю) великому Олгѣрду и брат(у) его, кнѧз(ю) Кестутью, и кнѧз(ю) великому Св(л)гѣславу, и ихъ дѣтемъ гѣхъ князии не воевати, очины ихъ, ни ихъ люд(и)и**. Союзникам Москвы оговаривалась безопасность даже от случайных набегов детей литовских князей. Вместе с тем интересно упоминание не только отчин рязанского, пронского и новосильского князей, которых нельзя было воевать, но и **ихъ люд(и)и**, на которых не должны были посягать литовцы. Такое противопоставление **очин** и **люд(и)и** кажется не вполне понятным, ведь повоевание земель (**очин**) с неизбежностью вело к действиям против населения этих земель. Однако речь в договорной грамоте, очевидно, шла о людях Олега, Владимира и Романа, живших не на исконных землях Рязанского, Пронского и Новосильского княжеств, а на сопредельных территориях. Существование лиц таких категорий ярко демонстрирует договор 1375 г. Москвы и Новгорода Великого с Тверью¹⁷. Видимо, такие же люди были и за пределами княжеств Северо-Восточной Руси в бывших и существовавших черниговских владениях, и они рассматривались как неотъемлемая принадлежность своих сюзеренов. Действия против них расценивались как нападения на чужую «очину».

Статья 5 открывает серию статей докончания, посвященных акциям тверского князя Михаила Александровича. Статья предписывала возвращение московскому князю всего того, что Михаил **пограбил в нашей очинѣ в великомъ княженѣи** в разных его местах после трех перемирий Москвы с Литвой: **на первомъ перемирьѣ, на другомъ и на третьемъ**. Выше уже было показано, что первое перемирие относится к зиме 1368/69 г., второе — к концу 1370 г., третье — к 29 июня 1371 г., а соответствующие ограбления Михаилом Тверским великого княжения Дмитрия Ивановича — к зиме 1370/71 г. (Волок Ламский), апрелю 1371 г. (Бежецкий Верх), к июлю — осени 1371 г. (Бежецкий Верх, а также Углич). В апреле 1372 г. последовало нападение тверичей на Дмитров, а 31 мая 1372 г. — на Торжок, причем действия Михаила зимой 1370/71 г. и в апреле 1372 г. поддерживались военными нападениями литовских ратей. Поэтому не случайно требование статьи 5 о возврате пограбленного имущества в великом княжении Дмитрия Ивановича сопровождается указанием, что то **кнѧзю великому Олгѣрду мнѣ чистити, то кнѧз(ю) Михаилу по исправѣ подавати назад по докончанью кнѧз(л) великого Олгѣрда**. На литовскую сторону возлагалась высшая правовая ответственность за нарушения более ранних договорных обязательств тверской стороной, поскольку такие обязательства брала на себя тогда Литва. Поэтому великий князь Ольгерд и должен был **мнѣ чистити**, т. е. восстановить московскому великому князю весь ущерб, нанесенный прежними акциями тверского князя. Последний был обязан регулировать свои отношения с Москвой строго в рамках заключаемого перемирия, а не на основании собственных соглашений с заинтересованными лицами. Все похищенное в великом княжении передавалось Михаилом Александровичем москвичам **по исправѣ**, а не **по целованию**, что означало достаточно длительную, однако более взвешенную и более объективную процедуру возмещения убытков потерпевшей стороне.

¹⁵ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 50—51.

¹⁶ Памятники древнерусского канонического права. Часть первая (памятники XI—XV в.) // Русская историческая библиотека. Т. VI. 2-ое изд. Спб., 1908. Приложения. № 24. Стб. 136.

¹⁷ ДДГ. № 9. С. 26, 27 (статьи 6, 7, 20, 21, 35).

Статья 6 предусматривала случаи ввода тверским князем Михаилом Александровичем своих наместников и волостелей на территорию великого княжения Дмитрия Московского. В таких ситуациях московская сторона выговаривала себе право **тыхъ ны сослати доловъ**. Но если представители администрации тверского князя не подчинялись, то Москве разрешалось **ихъ имати, а то отъ нас не в ызмѣну**. Иными словами, неподчинение нормам перемирной грамоты влекло за собой насильственные действия, и такие действия не должны были расцениваться как нарушение мирных договоренностей.

Следующая, 7-я статья соглашения также касалась антимосковских действий тверского князя. Статья предусматривала случаи, когда во время установленного договором перемирия с 1 августа по 26 октября Михаил Александрович будет **что пакостити в нашей очинѣ в великомъ княженьи или грабити**. При подобных вариантах развития событий московская сторона настаивала на том, что **намъ сл с нимъ вѣдати самимъ**. Литовская сторона в лице великого князя Ольгерда, его брата Кейстута и их детей обязывалась в таких случаях **за него** (т. е. Михаила Александровича Тверского — В. К.) **сл не вѣступати**. Достаточно простые и ясные постановления статьи вовсе не являются бесхитростными. Формулировка положений 7-й статьи договорной грамоты такова, что допускает расширенное толкование возможных «пакостей и грабежей» в отчинном великом княжении Дмитрия Московского: на территории, уже занятой к моменту заключения соглашения тверским великим князем, и на территории, еще не занятой Михаилом Тверским. Очевидно, что московская сторона, не вводя в текст договора никаких дефиниций, добивалась одного: запрещения тверскому князю использовать свое временное пребывание на территории великого княжения для взимания в свою пользу поборов с подвластного населения, изменять его статус, нападать на другие земли великого княжения, захватывать там военную добычу и т. п. Подчеркивание же в статье 7 того обстоятельства, что в таких ситуациях только литовские князья не должны помогать Михаилу Александровичу (нет речи о смоленском великом князе Святославе Ивановиче), говорит о том, что, скорее всего, предшествовавшие договорные грамоты, предусматривавшие военную помощь и поддержку, были заключены между Литвой и Тверью. Смоленское же княжество таких обязательств относительно Тверского княжества на себя не брало, а потому вероятная поддержка «пакостей и грабежей» тверского князя предусматривалась только со стороны Гедиминовичей. Договор лишал их такой возможности.

Весьма интересна статья 8 соглашения: **А что пошли в Орду ко ц(а)рю люд(и) жаловатисл на княз(а) на Михаила, а то есмы въ б(ожь)и воли и во ц(а)р(е)вѣ, как повелить, так ны дѣяти, а то от нас не в ызмѣну**. Выясняется, что московская сторона предприняла определенные дипломатические шаги, чтобы в борьбе с Михаилом Александровичем Тверским заручиться поддержкой Орды. Из данной статьи следует, что к мамаеву хану, очевидно, Мухаммед-Булаку, были отправлены «люди» с жалобами на тверского князя и московская сторона ожидала определенных санкций ордынских властей в отношении Твери, специально оговаривая, что действия Орды не могут считаться «изменой» москвичей принятым с Литвой договоренностям. Смысл представленной в довольно завуалированной форме статьи 8 соглашения раскрывается при обращении к летописным свидетельствам. Летописи сообщают о единственном в 1372 г. посольстве из Москвы в Орду. Согласно Рогожскому летописцу, после возвращения из-под Любутска, великий князь Дмитрий Иванович «послалъ въ Орду киличѣ[въ] со многымъ сребромъ, выпосулил князя Ивашка, сына князя великаго Михаила Александровича, и приведоша и на Москву его, заговѣвъ Филипову говѣнию; и и начаша его держати в ыстомѣ»¹⁸. На первый взгляд кажется, что в грамоте и в летописи речь идет о двух совершенно разных московских посольствах в Орду. Одно отправилось к Мамаю до стояния под Любутском, второе — после возвращения Дмитрия Ивановича из-под Любутска в Москву. Но

¹⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 104.

летописная запись о московском посольстве — тверского происхождения, в ней подчеркивается, что сын тверского великого князя Иван содержался в Москве в ыстомѣ. Запись фокусировала внимание не на начале поездки московских киличеев в Орду, а на итогах этой поездки, отрицательных для Твери. Очевидно, летописателя, не очень-то и осведомленного в хронологических тонкостях московской акции, интересовали отнюдь не исходные данные, а результаты предпринятого Москвой демарша. Поэтому на точность приведенного летописного свидетельства о времени отправления к Мамаю киличеев московского великого князя полагаться не приходится. Очевидно, что в 1372 г. имела место только одна поездка московских послов в Орду и начало этой поездки точнее отражено московско-литовской грамотой о перемирии, а не летописной записью об этом событии. Московское посольство в Орду было отправлено до стояния под Любутском. А если так, то становится очевидным, что посылка Москвой послов к ордынскому хану была связана с действиями в апреле-мае 1372 г. Михаила Александровича Тверского и его литовских союзников против Дмитрия Московского, захватом и опустошением ими ряда земель великого княжения Владимирского, на которые осенью 1371 г. ордынский хан выдал ярлык московскому князю. Не сумев вооруженной рукой наказать в апреле и мае 1372 г. напавших на его владения противников, Дмитрий Иванович решил прибегнуть к помощи хана, и этот замысел ему полностью удался. За крупную сумму в 10.000 рублей он сумел выкупить в Орде сына Михаила Александровича Ивана и оставить его в Кремле в качестве заложника¹⁹. Московское посольство вернулось из Орды в начале Филиппова поста, начинавшегося 14 ноября. В момент подписания московско-литовской перемирной грамоты (конец июля — 1 августа) такой результат действий московских послов в Орде был еще не очевиден, но вполне возможен. Московская сторона прекрасно знала, чего должны были добиваться в ставке Мамаю ее киличеи, а потому заранее обговорила вероятные последствия переговоров с Ордой: **то от нас не в ызмѣну**. В ноябре 1372 г. все прояснилось, литовская сторона была поставлена перед совершившимся фактом, аморальным с нравственной точки зрения, но оказавшимся оговоренным в уже утвержденном соглашении. С точки зрения средневекового права никакого уклонения от договора москвичи, добившиеся перехода в свои руки важного политического заложника, не допустили. Благодаря своевременному включению в договор статьи 8 о московском посольстве в Орду и удачной для московской стороны редакции этой статьи формально к великому князю Дмитрию Ивановичу и князю Владимиру Андреевичу нельзя было предъявить никаких претензий.

Содержание статьи 9 соглашения очень близко содержанию рассмотренной выше статьи 2. И та, и другая статья разрешают свободный проезд посольских делегаций. Но при этом заметно, что статья 9 формулировала данное положение с точки зрения московской стороны: **посломъ литовъскимъ, и нашимъ, и смоленскимъ**, где слово **нашимъ** сразу выдает московскую руку. В то же время статья 9 вносит необходимые дефиниции в установление о свободном обмене посольствами. В ней указано, что данное правило распространяется на посольства литовские, смоленские и «наши», московские. В статье 2 текст о посольствах не был столь четко дифференцирован. Кроме того, в статью 9 вносилось по сравнению со статьей 2 важное дополнение: свободно ездить через границы могли не только послы трех сторон, но и торговцы. Положение договора о свободной торговле особенно бросается в глаза при сравнении статьи 9 со статьей 10 рассматриваемого докончания.

В этой 10-й статье вновь поднят вопрос о свободном проезде послов. На сей раз в документе речь идет о послых Твери к московскому князю и о послых московского князя к тверскому. Однако далее статья 10 содержит весьма выразительную оговорку: **А оприснь пословъ, тѣричемъ нѣтъ дѣл в нашей очинѣ в великомъ княженъи, а нашимъ нѣтъ дѣл во Тѣри**. Кажется, что в данной оговорке имеются в виду те же гости, что и в статье 9. Во всяком случае, так понимал

¹⁹ Там же. Стб. 99—103; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 111.

разъяснение статьи 10 Л. В. Черепнин: «О праве проезда через великое княжение для тверских купцов в грамоте нет ни слова»²⁰. И далее исследователь говорил о том, что данная оговорка продиктована «стремлением московского правительства экономически и политически изолировать Тверь»²¹. Однако заключительное положение статьи 10 договора касается связей Твери **в нашей очин□ в великомъ княженьи**. Оно не затрагивает отношений Тверского княжества с другими русскими княжествами, с Новгородом, Литвою и Ордой, поэтому говорить об изоляции Твери на основании процитированного текста статьи 10 вряд ли правомерно. С другой стороны, заключительное постановление статьи 10 не ограничивается указаниями на отсутствие права проезда в великое княжение тверских торговцев, оно значительно шире. Очевидно, это договорное условие касается не только купцов, но и тверских должностных лиц, воевод, простого населения, которое бы вознамерилось поселиться на территории великого княжения или, напротив, оставить ее. Речь, таким образом, идет не об изоляции Твери, а о свободе территории великого княжения Владимирского, в том числе земель, временно захваченных Михаилом Александровичем, от любого тверского освоения. Все попытки Твери в этом направлении пресекались, а нарушение договоренностей должно было вызывать санкции, подобные тем, что зафиксированы в статье 7. Тем самым подготавливалась почва для возвращения всех земель великого княжения под полный контроль Москвы. Статья 10 перемирной грамоты создавала для этого необходимые юридические предпосылки.

Статья 11 *dispositio* содержала важную оговорку относительно зафиксированных в грамоте условий перемирия. Согласно этой статье литовский великий князь Ольгерд, если грамота будет ему **не люба**, мог отослать ее назад. Тогда условия перемирия не вступали в силу.

Однако срок перемирия не должен был нарушаться даже в таком чрезвычайном случае. Статья 12 договора постановляла, что если литовский великий князь грамоту **отошлетъ, а на семь перемирьи и докончаны межы нас воины с Олѣгъромъ нѣтъ до Дмитриева дни**. При всей разности политических интересов стороны твердо договаривались об отказе от военных действий сроком почти на три месяца.

13-я статья договора перечисляла лиц, которые целованием креста утвердили договорную грамоту. Со стороны великого князя литовского Ольгерда, Кейстута и смоленского великого князя Святослава ими являлись те самые семеро послов, что были посланы к московским князьям и о которых говорилось в *paratio* грамоты: князь Борис Константинович, князь Андрей Иванович, князь Юрий Владимирович, Дмитрий Оберучев (Обиручев), Меркурий, Петр и Лукьян. Впервые названы послы московской стороны: Дмитрий Михайлович, Иван Михайлович, Дмитрий Александрович и Иван Федорович.

Общее количество литовских послов — семь — совпадает с числом юридических лиц, принимавших участие в оформлении договорной грамоты с литовской стороны: литовский великий князь Ольгерд, его брат князь Кейстут, смоленский великий князь Святослав Иванович, тверской князь Михаил Александрович, брянский князь Дмитрий, князья **в ымени** Ольгерда и князья **в ымени** Святослава. Совпадение, по-видимому, не случайное, а закономерное. Во всяком случае, среди литовских послов первые три показаны с отчествами и княжескими титулами, их положение выше, чем остальных четырех послов, и это можно объяснить тем, что князья Борис Константинович, Андрей Иванович и Юрий Владимирович были доверенными лицами соответственно Ольгерда, Кейстута и Святослава — главных князей, представлявших в договоре литовскую сторону. Из факта целования литовскими послами креста следует, что все они были христианами. Поэтому возможно, что послы-князья были Рюриковичами, однако установить, к какой ветви Рюриковичей они принадлежали, нельзя за недостатком данных.

²⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 48.

²¹ Там же.

Совершенно ничего нельзя сказать и о трех последних литовских послых Меркурии, Петре и Лукьяне. Они известны только по именам.

Что касается Дмитрия Оберучева, то о нем как будто кое-что известно. Фамилия Оберучевых в русском актовом материале XIV—начала XVI в. встречается очень редко. Так, в середине XV в. известен вотчинник Иов Оберучев, владевший наследственными землями в Соли Галицкой в Костроме²². В источниках XVI в. эта фамилия фиксируется в тех же районах²³. Очевидно, что эти Оберучевы проживали на территории бывшего Владимирского великого княжения и к Дмитрию Оберучеву грамоты 1372 г. отношения не имели. Но в одном из документов кремлевского клада 1843 г. читается фамилия Оберучев и имя Дмитрок²⁴. Документ очень дефектен, отдельные буквы в нем разбираются с большим трудом, однако можно понять, что документ возник в результате какого-то судебного дела. Весь комплекс документов кремлевской находки 1843 г. относится к Торжку и был собран после восстановления в Торжке власти великого князя Дмитрия Ивановича в январе 1374 г. Ряд документов освещает судебную деятельность в Торжке князя Михаила Александровича Тверского, очевидно, в июне 1372 — январе 1374 гг. Это дает некоторое основание видеть в Дмитрии Оберучеве московско-литовского докончания 1372 г. представителя тверского князя. Место, занимаемое Дмитрием Оберучевым в списке послов литовской стороны, — четвертое, соответствует месту тверского князя в перечне князей, заключивших соглашение с Москвой.

Что касается послов московской стороны, то их состав пытался выяснить С. Б. Веселовский. Он подтвердил мнение Н. М. Карамзина, что первый из московских послов — Дмитрий Михайлович — это служивший великому князю Дмитрию Ивановичу знаменитый Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Ивана Федоровича С. Б. Веселовский принимал за Ивана Федоровича Собаку-Фоминского, потомка князя фоминского и березуйского Константина²⁵. Что касается двух других бояр московской стороны, упомянутых в договорной грамоте 1372 г., Ивана Михайловича и Дмитрия Александровича, то о них С. Б. Веселовский писал, что они «выступают как вероятные бояре кн. Владимира Андреевича»²⁶. Но если для Ивана Михайловича известный историк и генеалог сумел подыскать возможного отца среди московских бояр — наместничавшего в 1353 г. в Лопасне Михаила Александровича, то родственников Дмитрия Александровича С. Б. Веселовский указать не смог. В итоге же у исследователя получилась следующая картина. В московско-литовском договоре 1372 г. среди четырех московских послов на первом месте назван самый известный из московских бояр — Д. М. Боброк-Волынский, далее следуют два боярина князя Владимира Андреевича, а затем боярин великого князя Дмитрия И. Ф. Собака-Фоминский. Такая последовательность имен не может не показаться странной. Почему на втором и третьем местах названы бояре удельного князя, а боярин великого князя, к тому же сам княжеского происхождения, на самом последнем месте? С. Б. Веселовский этот вопрос не обсуждал, как не обсуждал и того, действительно ли упомянутые в международном договоре послы московской стороны должны быть московскими боярами. Между тем в последнем приходится сильно сомневаться. На стороне Москвы в договоре выступают три великих князя. Их статус выше, чем «брата» Дмитрия Владимира Андреевича Серпуховского. Если, по мнению С. Б. Веселовского, московский удельный князь имел право посылать своих бояр на переговоры с литовской делегацией, то почему этого нельзя было делать великим князьям, союзникам Москвы?

²² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 213. С. 149; № 523. С. 400.

²³ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 224.

²⁴ РГАДА. Ф. 135. Рубр. III. № 4.

²⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 363.

²⁶ Там же. С. 489.

Думается, что «целование креста» с московской стороны производилось четырьмя послами четырех великих князей, а не исключительно московскими боярами. Поэтому так и трудно отождествление Ивана Михайловича, Дмитрия Александровича и Ивана Федоровича, приводящее, если следовать С. Б. Веселовскому, к необъяснимым нарушениям иерархии внутри московского боярства. Но при всем при том следует заметить, что идентификация первого лица среди послов московской стороны сомнений не вызывает. Это означает, что, отправляя первого боярина великого князя Дмирия Ивановича князя-Гедиминовича Д. М. Боброка-Вольинского послом на переговоры с литовской стороной, московское правительство придавало этим переговорам первостепенное значение и весьма внимательно подходило к выработке перемирных условий.

По логике вещей статья 13 договора о крестоцеловании должна была быть последней в исследуемой грамоте. Однако грамоту неожиданно заключает еще одна, 14 статья: **А со Ржевы до исправы не сослати**. Смысл статьи в свое время очень интересовал Н. М. Карамзина, но на поставленный историографом вопрос: «Литву или Россиян?» следовало, согласно процитированной статье, сослать из Ржевы, последующие поколения историков ответа так и не дали. Что же известно о Ржеве начала 70-х годов XIV в.?

Впервые упоминаемая в источниках в 1216 г., стоявшая на высоком и труднодоступном мысу, образованном слиянием рек Волги и ее левого притока Халынки, Ржева в домонгольское и послемонгольское время входила в состав Смоленского княжества²⁷. Однако в 30-е годы XIV в. некоторыми административными центрами Ржевского уезда пыталась завладеть Литва²⁸. В 1356 г. Ольгерд впервые захватил саму Ржеву, но через два года потерял ее²⁹. И все же в 1359 г. Ржева вновь была занята Литвой, причем на этот раз надолго³⁰. В 1368 г., видимо, в первой половине, Ржева была завоевана князем Владимиром Андреевичем Серпуховским³¹. В своем Послании константинопольскому патриарху Филофею, написанном в конце декабря 1370 — первой половине 1371 г., Ольгерд возмущался тем, что москвичи захватили у него Ржеву и восемь других, более мелких административных центров ржевской территории³². Очевидно, что летом 1371 г. Ржева продолжала оставаться в московских руках. С другой стороны, к осени 1376 г. Москва Ржеву уже не контролировала. Летопись после известия о возвращении из Москвы в Новгород местного архиепископа Алексея, датированном 17 октября 1376 г., сообщает, что «князь великий Дмитрии Иванович[ъ] послалъ брата своего князя Володимера Андреевича ратию ко Ржевъ, онъ же стоя у города 3 недѣли, посадъ пожже, а города не взя»³³. Стратегически положение Ржевы и относившихся к ней земель (от Ржевы на северо-запад до верхневолжских озер) было очень важным. Они находились на стыке границ Смоленского княжества с Тверским княжеством и Новгородской республикой, включали верхнее течение Волги, подходили к истокам Западной Двины³⁴. Обладание Ржевой означало военный и экономический контроль над юго-восточными границами Новгорода, северными границами Смоленска, южны-

²⁷ Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XII. 1951. С. 72; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 185.

²⁸ НПЛ. С. 347.

²⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 65, 67.

³⁰ Там же. Стб. 68.

³¹ Там же. Стб. 87.

³² Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 157.

³³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 116.

³⁴ Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 150, карта.

ми границами Твери. Вот почему на протяжении нескольких десятилетий XIV в. литовские и московские князья спорили за обладание Ржевой и ее земель.

Поскольку о Ржеве в предшествовавших статьях московско-литовской докончальной грамоты 1372 г. ничего не говорилось, делается очевидным, что Ржева была объектом внимания другого, более раннего московско-литовского соглашения. Предшествовавший договор между Москвою и Литвой был заключен, как выяснено выше, в конце июня 1371 г. Стороны «взяша миръ, а за князя за Володимира за Ондриѣвича обручиша Олгѣрдову дщерь именемъ Олену»³⁵. Так как к лету 1371 г. Ржева находилась в руках Москвы, очевидно, что мир с великим князем Ольгердом заключался ценой возвращения Литве Ржевы. Судя по всему, это было одним из главных требований Ольгерда. В этой связи обращает на себя внимание летописное свидетельство о поведении литовского великого князя после его вторичного нападения на Москву в декабре 1370 г.: «Олгѣрдъ ... начать мира просити, князь же великий Дмитрий взя съ нимъ миръ до Петрова дни. А Олгѣрдъ въсхотѣ вѣчнаго миру, а хотя дати дщерь свою за князя Володимира Андреевич[а], еже и бысть»³⁶. В историографии нет объяснений того, почему московское правительство после второй «литовщины», когда Ольгерд сжег загородье и посад Москвы, «а волости повоева и пожъже, а люди многы пощѣче, а иные полони», не пошло на вечный мир, предлагавшийся не потерпевшей урона литовской стороной. Не пошло же оно потому, что вечный мир означал возвращение Литве Ржевы, а это была более серьезная потеря, чем опустошение Москвы и ее окрестностей. Дмитрий Московский и его советники готовы были стерпеть пожары в столице и угон ее жителей и жителей Московского княжества в Литву, но зато сохранить в своих руках Ржеву и ее земли, позволявшие контролировать положение к западу от московских границ. Однако, когда летом 1371 г. обстановка в Северо-Восточной Руси изменилась, ярлык на великое княжение Владимирское получил тверской князь, а Дмитрий Московский еще только пытался оспорить этот ярлык в Орде, в отсутствие великого князя московские правящие круги в лице митрополита Алексея вынуждены были согласиться на литовские предложения, заключить мир, породниться с литовским великим князем, а за все это обещать вернуть Ржеву.

Сказанное позволяет достаточно определенно трактовать смысл последней статьи московско-литовской договорной грамоты 1372 г.: с Ржевы должны были быть сведены не литовские должностные лица, а представители московской администрации. Это означает, что до июля 1372 г. Ржева продолжала оставаться в московских руках и не передавалась Ольгерду несмотря на московско-литовское соглашение от июня 1371 г. и несмотря на состоявшуюся в начале 1372 г. свадьбу Владимира Андреевича и Елены Ольгердовны³⁷. Данный факт объясняет, по-видимому, нападение в апреле 1372 г. литовских князей (но не самого Ольгерда, только что ставшего тестем серпуховского князя) на принадлежавший Дмитрию Ивановичу Московскому Переяславль. Того, чего не удавалось добиться в результате долгой серии дипломатических переговоров, заканчивавшихся вроде бы обоюдным пониманием и обещанием Москвы вернуть Ржеву, литовская сторона пыталась достигнуть в результате военного нажима. Однако и военный нажим к нужному итогу не привел, но обстановку изменил и усложнил. И теперь в московско-литовской договорной грамоте 1372 г. фигурировало требование **до исправы не сослати** москвичей из Ржевы.

О какой же «исправе» идет речь в договорной грамоте? Кроме статьи 14, этот термин встречается в докончании всего единственный раз — в статье 5. Согласно тексту последней, **по**

³⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 96.

³⁶ Там же. Стб. 94—95.

³⁷ Там же, стб. 99.

исправѣ тверской князь Михаил Александрович должен был вернуть великому князю Дмитрию Ивановичу все то, что он захватил в великом княжении после трех московско-литовских перемирий, т. е., как было выяснено выше, между зимой 1370/71 г. и апрелем—маем 1372 г. Думается, не будет большой натяжкой считать, что передача литовской стороне Ржевы увязывалась Москвой с возмещением убытков, причиненных Тверью во время военных столкновений на территории великого княжения (бывшего Владимирского), и переходом под московский контроль всех тех частей этой территории, что были заняты Михаилом Тверским не без помощи литовских войск в апреле—мае 1372 г.

Из 14 статей рассматриваемого соглашения 6 прямо посвящены бывшим или будущим акциям тверского князя. Данное обстоятельство всегда привлекало внимание исследователей, но выводы из такого факта делались разные. Писали и о преимущественном внимании московско-литовского договора к московско-тверским, а не к московско-литовским отношениям (С. М. Соловьев, А. В. Экземплярский, Л. В. Черепнин), и о диктате Ольгерда Литовского, предписавшего тверскому князю условия его мира с Москвой (В. С. Борзаковский), и об отказе литовского великого князя, пошедшего на сближение с Москвой, в поддержке Михаилу Тверскому (Э. Ключ) и т. п. Между тем все такие высказывания основываются на весьма приблизительной оценке того, что зафиксировано в перемирной грамоте 1372 г. Ольгерда с Дмитрием Московским. А прописаны в этой грамоте, причем весьма подробно и скрупулезно, лишь те действия тверского князя, что касались территории великого княжения Владимирского. Статьи 5, 6, 7, 8, 10, представленные в договорной грамоте явно в московской редакции, очень четко и последовательно говорят о **нашей отчине ... великомъ княженъи**, столь же постоянно титулуют Михаила Александровича князем, но никогда великим князем, в чем, с одной стороны, нельзя не видеть намеренного отрицания Москвой каких-либо великокняжеских прав тверского правителя и, с другой, отражения ситуации именно 1372 г., когда Дмитрий Московский уже имел в своих руках великокняжеский ярлык Мухаммед-Булака, а великокняжеский ярлык Михаила Александровича был Ордой дезавуирован, однако никаких других вопросов, связанных с Тверским княжеством, эти статьи не касаются. Нет в этих статьях, как и в договоре в целом, речи об «обидах», нанесенных тверским князем ярославским князьям, когда он в 1371 г. воевал Мологу и предпринял поход на великокняжескую Кострому, подойти к которой можно было только через земли Ярославского княжества³⁸. Нет речи о захвате имущества тверичами на территории собственно Московского княжества, очевидно, потому, что при первом и втором походах Ольгерда на Москву подобные грабежи сливались с грабежами литовцев и их трудно было выделить из общей массы. Наконец, совершенно ничего не говорилось в договоре о потерях, нанесенных Тверью Новгороду в апреле и особенно в мае 1372 г. Стороны, заботясь о безопасности владений своих союзников, например, князя брянского или князя новосильского, совершенно не упоминали в своем соглашении Новгорода Великого. А между тем при реализации статьи 6 московско-литовского договора о выводе с великокняжеской территории тверских наместников и волостей неизбежно должен был подниматься вопрос о пребывании администрации Михаила Александровича на новгородской земле, в частности, в Торжке. К тому же у москвичей был с Новгородом договор от первой половины июня 1371 г. «О единачествѣ», предусматривавший тесный военно-политический союз двух государств, а сами новгородцы в июне-первой половине июля 1372 г. предлагали заключить соглашение с ними тверскому великому князю Михаилу Александровичу. Очевидно, и Литва, и Москва не затрагивали в своей перемирной грамоте острую новгородскую тему вполне сознательно. Литва не могла требовать от Москвы признания всех новгородских захватов Твери, поскольку московский великий князь пытался рассматривать Новгород как свою отчину. С другой стороны, московское правительство не спешило требовать от Твери возвращения занятых новгородских территорий, поскольку была неясна си-

³⁸ Ср. цитируемую выше статью 3 московско-новгородско-тверского договора 1375 г. с упоминанием великих князей христианских и князей ярославских, очевидно, пострадавших от Твери.

туация в самом Новгороде. Судя по Проекту мирного договора между Новгородом и Тверью июня—первой половины июля 1372 г., высшие магистратские должности в Новгороде принадлежали тогда Михаилу Даниловичу (посадник) и Матфею Фалалеевичу (тысяцкий)³⁹. Это те самые лица, которые ранее, поздним летом — осенью 1371 г., пригласили на княжение в Новгород Михаила Александровича Тверского и приняли его заместителей⁴⁰. Очевидно, летом 1372 г. власть в Новгороде находилась в руках лиц протверской ориентации. В такой ситуации московское правительство должно было занимать выжидательную позицию и не добиваться для Новгорода каких-либо компенсаций за потери, понесенные в результате поражения под Торжком 31 мая 1372 г. Очевидно, что наиболее животрепещущими для Москвы и Литвы в июле 1372 г. были вопросы, связанные с полным контролем над территорией великого княжения (для Москвы) и обладанием Ржевой и ржевскими землями (для Литвы). По этим главным для них пунктам стороны и сумели договориться.

Интересы союзника Литвы, тверского князя Михаила Александровича, оказались при этом несколько ущемленными. Он вынуждался вернуть то, что ему удалось захватить в апреле—мае 1372 г. Однако никаких территориальных уступок за счет своих отчинных земель он не делал. Литовский великий князь Ольгерд со своими союзниками брал Михаила Александровича под военную защиту и гарантировал безопасность и неприкосновенность границ его наследственных владений. Отношения между Тверью и Новгородом решались самими тверичами и новгородцами. Москва вынуждена была воздержаться от давления на одну из сторон, договор не оговаривал никаких прав Москвы в отношении Новгорода. Поэтому подозревать Ольгерда в невыполнении в 1372 г. союзнических обязательств перед тверским князем, как это делает Э. Клюг⁴¹, нет оснований. Требования же договора 1372 г. к Михаилу Александровичу отказаться от захваченных земель великого княжения также не могут расцениваться как показатель политической переориентации литовского великого князя, поскольку последний не давал тверскому князю никаких гарантий относительно закрепления за ним Владимирского великого княжения. На практике, обусловленной, видимо, положениями утраченных литовско-тверских соглашений, Ольгерд помогал Михаилу Александровичу сохранить его тверские владения, но не более того. Поэтому условия московско-литовской перемирной грамоты 1372 г. следует оценивать как достаточно реалистичные, учитывавшие главные интересы договаривавшихся сторон в условиях равенства их военных сил.

Текст московско-литовского договора, содержащий статьи, составленные литовской стороной, и статьи, отразившие московские предложения, должен был быть идентичным в экземплярах, один из которых хранился в московском великокняжеском архиве, а другой — в архиве литовского великого князя. Какой же экземпляр договора дошел до нашего времени? Если по тексту соглашения этого установить не удастся, то прикрепленные к подлиннику вислые односторонние печати проливают свет на поставленный вопрос. Что первая печать литовская, сомнений не вызывает. Печать имеет изображение герба, а герб, как справедливо заметил еще М. М. Щербатов, на русских печатях XIV в. не употреблялся. Сложнее обстоит дело со второй печатью. Ранее указывалось, что по своему типу эта печать не может считаться ни митрополичьей, ни принадлежащей кому-либо из церковных иерархов. Очевидно, что это печать светского лица. Буквы **ан** и **о аг** свидетельствуют о том, что на лицевой стороне печати изображен святой, имя которого начиналось с букв **ан**. Православный месяцеслов знает 19 святых, имена которых начинались на указанные буквы. Но изображение на печати святого в почти полный рост с воздетыми руками и с предметом в левой руке находит аналогии на булавах владимирского великого князя Андрея Александровича⁴². Так изображался св.

³⁹ ГВН и П. № 1. С. 32.

⁴⁰ Там же. № 15. С. 28.

⁴¹ Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 201.

⁴² Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970 Т. II. № 394, 395; Т. III. № 394, 395. Вполне воз-

Андрей Критский⁴³. Делается очевидным, что буквы **ан** на второй печати грамоты 1372 г. являются начальными буквами имени Андрей. Такое имя присутствует в тексте московско-литовского договора. Оно упоминается там дважды и принадлежит князю Андрею Ивановичу, второму послу литовской стороны. Едва ли будет ошибкой утверждать, что вторая печать грамоты принадлежит этому князю. Но если вторая печать договора — это печать второго литовского посла, то первая скорее всего принадлежит первому литовскому послу князю Борису Константиновичу. Таким образом, договор был скреплен односторонними перстневыми печатями двух участников литовской делегации, представлявших интересы великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича и его брата Кейстута. Это означает, что грамота адресовалась московскому великому князю и должна была находиться в его архиве. Вместе с тем скрепление перемирной грамоты литовскими печатями свидетельствует о том, что текст договора был одобрен Ольгердом. Длительное же хранение в московском великокняжеском архиве перемирной грамоты с Литвой указывает на то, что грамоте придавалось важное значение. Действительно, после 1 августа 1372 г. и до июля месяца 1375 г. между князьями, договорившимися о перемирии на три месяца, не происходило никаких военных столкновений. 16 января 1374 г. был заключен мирный договор между Москвой и Тверью, по которому Михаил Александрович Тверской отступался занятых было им земель великого княжения Владимирского Дмитрию Ивановичу Московскому⁴⁴. Была реализована та самая «исправа», которая предусматривалась договором 1372 г. и которая вела к передаче Ржевы и ржевских земель Литве. По всей видимости, это и было осуществлено, поскольку, как уже отмечалось, осенью 1376 г. Ржева уже не была московской. Очевидно, что договоренности 1372 г. оказались настолько приемлемыми для литовской и московской сторон, что краткая передышка превратилась в достаточно длительное мирное сосуществование, давшее возможность, например, московскому правительству объединить в союз под своим главенством многие княжества не только Северо-Восточной Руси, но и верхнего Поочья, а также Смоленска. Поэтому летом 1374 г. Москва смогла пойти на обострение отношений с Мамаем, отказавшись от выплаты наложенной в 1371 г. на русские княжества татарской дани. Изменением положения решил воспользоваться в 1375 г. Михаил Тверской, но разгром русскими князьями во главе с Дмитрием Московским Твери привел к новой политической ситуации, ярко отразившейся в московско-новгородско-тверском договоре 1375 г.

можно, что на обороте опубликованной в Т. III печати № 392 представлен не Вседержитель, как указано публикаторами (С. 165), а тот же св. Андрей.

⁴³ Там же. Т. II. С. 23.

⁴⁴ ПСРА. Т. XV. Вып. I. Стб. 105; ДДГ. № 9. С. 27, 28.

